С.ШТИКЯН

«ЛЕРМОНТОВ И АРМЯНСКАЯ КУЛЬТУРА»

За последнее время советское армянское литературоведение обогатилось новыми трудами, освещающими взаимосвязи армянской литературы и искусства с русской и мировой литературой. Среди уже вышедших в свет работ подобного рода (В. Терзибашяна – «Шекспир на армянском языке», А. Бабаяна – «Шиллер в армянской литературе и театре», С. Арешян «Лев Толстой» и другие) достойное место занимает монография Сурена Даниеляна «Лермонтов и армянская культура»[1].

Представители армянской интеллигенции издавна проявляли огромный интерес к творчеству Лермонтова. В 1843 году студент Лазаревской семинарии в Москве Г. Амазаспян издал сборник своих переводов произведений русских поэтов – Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Баратынского и Гнедича. В сборник вошли в переводе на грабар произведения Лармонтова «Ангел» и «Сосна». Таким образом еще в 1843 году были впервые переведены на армянский язык произведения поэта. И сегодня, в различных периодических изданиях, журналах, учебниках и альманахах издаются новые переводы его произведений. Отсутствие библиографического труда потребовало от С. Даниеляна больших усилий и кропотливой работы при собирании переводов произведений поэта. С. Даниелян сумел добиться поставленной им перед собой цели – в книге представлен богатый фактический материал.

Сложен вопрос оценки художественного наследия Лермонтова. Дело в том, что и досоветский период отношение к безвременно умершему поэту в армянской действительности было далеко не однородным. Небольшая группа прогрессивно настроенных представителей армянской литературы и искусства, собравшихся в основном вокруг журналов «Юсисапайл» и «Мшак», безоговорочно принимала Лермонтова как гениального поэта. Степанос Назарянц напечатал в своем журнале «Юсисапайл» перевод лермонтовских «Пророка», «Ашик-Кериба» и «Демона» и считал их жемчужинами русской литературы.

Представители более консервативного направления армянской литературы представляли Лермонтова как проповедника «неистовой непокорности», как поэта,

[1] С. Даниелян, «Лермонтов и армянская культура» (на арм. яз.), изд. АН Армянской ССР, 1960.

прославляющего «беззаконие и произвол». Обращаясь к его творчеству газеты «Мегу Айастани» и «Чраках» характеризовали творчество Лермонтова как «плач без адреса», «безпричинную тоску», «нытье» и т.д. Причем нередко та же самая газета, тот же автор высказывали протовоположные мнения о Лермонтове. Понятно, что эта запутанность в оценке творчества поэта осложняла работу С. Даниеляна. Однако С. Даниелян сумел разрешить многие сложные проблемы.

В 50-60-е годы в армянской литературе особый расцвет получила свободолюбивая патриотическая поэзия, появились произведения, зовущие армянский народ «к оружию, к мести», к борьбе за свободу и национальную независимость. Вдохновенные произведения Лермонтова находили благодатную почву в армянской действительности. Они были созвучны думам и чаяниям прогрессивно настроенной армянской интеллигенции. В свете этого понятно обращение революционного демократа Микаэла Налбандяна к творчеству Лермонтова. Им переведены многочисленные стихи поэта. Проанализировав переводы Налбандяна, и в особенности его известный «Гишатакаран», С. Даниелян показал, что некоторые части этой работы, несомненно, носят на себе определенное влияние лермонтовских идей.

Автор подробно останавливается на переводе «Демона», сделанном Мануком Садатяном. Студент Лазаревской семинарии в Москве, впоследствии инспектор той же семинарии – Манук Садатян имеет множество публицистических статей, переводов. Но ни эти работы, ни педагогическая и общественная деятельность не приносли ему той известности, которую он приобрел благодаря переводу «Демона». М. Садатян, в совершенстве владел русским и армянским языками, обладая бесспорным талантом переводчика, оставил последующим поколениям блестящий перевод лермонтовского «Демона». Перевод этот, несмотря на то, что был сделан около ста лет назад (впервые напечатан в «Юсисапайл» в 1863 году) до сих пор издается и переиздается. «Перевод «Демона» М. Садатяном, - справедливо замечает автор, - не только его современниками, но и последующими поколениями рассматривался как победа переводчиков искусства, как значительное достижение армянского литературного «ашхарабара».

Главы «Александр Цатурян и поэзия Лермонтова», «Ованес Туманян и поэзия Лермонтова» посвящены переводам Цатуряна и Туманяна произведений поэта.

Александр Цатурян в письме к русскому литературоведу Юрию Веселовскому писал: «Из русских поэтов я особенно горячо полюбил Лермонтова. Моя скромная Муза всегда с благоговением и священным трепетом смотрела на этот величественно-грустный поэтический образ. Это беспокойная, мятущаяся душа, этот «парус одинокий» пленили меня, глубоко меня взволновали». Из переведенных Цатуряном тридцати пяти стихотворений в исследовании разобрано около десяти, сделаны сравнения старых переводов одного и того же произведения, прослежено, как работал Цатурян-переводчик, как отшлифовывал он каждый стих. В главе «Александр Цатурян и поэзия Лермонтова» встречаются интересные замечания о теории стихосложения и поэтическом переводе.

Говоря о переводах Ованеса Туманяна, необходимо ответить, что они являются лишь частью той огромной работы по приобщению армянского народа к русской литературе, культуре и искусству, которую проделал великий армянский поэт. Эта глава менее, чем предыдущая, насыщена фактическим материалом. Как отмечалось в армянском литературоведении, Туманян в своих переводах был относительно свободен и самостоятелен, не следовал слепо за Лермонтовым. В этом свете становится понятным тщательный анализ каждого четверостишия переводов Туманяна, проделанный С. Даниеляном с целью выяснить, в каком смысле нужно понимать «самостоятельность» переводов Туманяна. Этот анализ приводит читателя к выводу, что изменения смысла слов, стиля, выражений, а зачастую и целых строчек, сделанные Туманяном и, на первый взгляд, очень вольные, - абсолютно не искажают духа лермонтовской поэзии.

Наряду с поэтическими и прозаическими произведениями Лермонтова, на армянский язык переводились и его драмы. Многих армянских артистов привлекали лермонтовские образы – Арбенин, Нина, Неизвестный. Артисты Мнакян, Петросян, Сирануйш, Асмик, Восканян, Каренян, Папазян, Севумян, Харазян создали запоминающиеся образы лермонтовских драм. Гениальный артист Петрос Адамян в роли Арбенина пленил не только армянских и русских зрителей, но и удостоился восторженной оценки знаменитого Сальвини.

Обо всем этом пишет автор в главе «Лермонтов и армянский театр», которая представляется нам одной из наиболее удавшихся.

Автор книги коснулся и вопроса о языке переводов. Дело в том, что некоторые произведения Лермонтова даже в конце века переводились на древнеармянский язык – грабар. Даниелян сумел найти истинную причину и дать верное объяснение этому явлению.

Таким образом, можно сказать, что исследование С. Даниеляна «Лермонтов и армянская культура» отвечает в основном предъявляемым к нему требованиям. Однако оно не лишено недостатков.

На наш взгляд, кажутся несколько поспешными и вольными выводы аытора во второй главе работы – «В кругу армянских друзей». Автор хочет установить все те связи Лермонтова с армянами за годы его пребывания на Кавказе, которые оказали несомненное влияние на его творчество. Однако, стремясь увеличить число «армянских друзей» Лермонтова, Даниелян останавливается на второстепенных, третьестепенных знакомствах, которые не могли иметь никакого значения для поэта. «Из биографии Лермонтова известно, - пишет автор, - что его бабушка Елизавета Арсеньева в 1818, 1820, 1825 гг. привозила его на Кавказ на воды. На Кавказе Елизавета Арсеньева жила у своей сестры Екатерины Хастатовой (стр. 23). Затем приводится подробное описание рода Хастатовых, пространные биографии каждого члена семьи, описываются их занятия, чины, приводится история и география города Гзлар, где жили Хастатовы и т.д. Вспомним, что Лермонтов родился в 1814 году, следовательно, в те годы ему было 4, 6, 11 лет. Трудно представить себе, что знакомство с Кавказом в эти годы могло иметь большое значение для творчества поэта, в чем упорно старается убедить своих читателей Даниелян. А «связей» с представителями различных сословий армянского народа, «знакомств» с обучающимися в Москве студентами-армянами Даниелян обнаружил в довольно большом количестве. Монография во многом бы выиграла, если бы автор сумел показать на конкретных фактах, какое значение имели эти знакомства для Лермонтова-художника. Между тем именно этот момент отразился в работе довольно-таки поверхностно.

В книге «Лермонтов и армянская культура» замечается еще одна досадная тенденция – желание преуменьшить значение предыдущих исследований армянских лермонтоведов.

Даниелян не упускает случая заявить: «И по сей день не освещен вопрос глубокого воздействия поэзии Лермонтова... на армянскую литературу, в особенности на поэзию» (стр. 16); «в истории нашей литературы не оценена по достоинству работа Г. Амазаспяна» (стр. 44); «к сожалению, нужно отметить, что и по сей день никем не освещен вопрос влияния Лермонтова на Цатуряна» (стр. 117) и т.д. и т.п. Интересно, что после таких заявлений автор исследования обращается к тем представителям армянской интеллигенции, которые занимались изучением творчества Лермонтова, и число их, даже по его свидетельству, весьма внушительно.

Правильно поступил автор, поместив в конце своей работы довольно обширный список перечисленных в хронологическом порядке переводов произведений Лермонтова, сделанных в разное время. Было бы желательно, если бы в книге содержался небольшой список статей и отдельных исследований армянских литературоведов о Лермонтове.

Литературная Армения, 1961, N 84, август, стр. 86-88